

Мена имен: Хлебников, Асеев и Библер

Александр В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, markovius@gmail.com*

Аннотация. Философ В.С. Библер с опорой на Хлебникова развивал учение о двойственности глагольной семантики: указание на формальное действие и перформативное производство действия. Поэтическая этимология позволяла выделить неизменное ядро указания на свойства вещи и изменчивые элементы перформативности. Но такое специфическое понимание социальной перформативности глагола развивается не столько Хлебниковым, сколько Николаем Асеевым в учении о «мене имен», где приведены примеры, совпадающие с примерами Библиера. Библер помещает Асеева и других футуристов в тень Пастернака, потому что распространяет учение о двойном действии на историю мысли, создавая ряд гипотез об особенностях развития русской мысли XX в. Мы можем говорить о поэтической истории мысли как изобретении Библиера. Идея Библиера продуктивна для филологического анализа, потому что требует наравне с синтагматичностью высказывания выделять парадигматичность перформативных приемов, что позволяет непротиворечиво анализировать как русскую поэзию авангарда, так и позднейшую поэзию.

Ключевые слова: Библер, Асеев, Хлебников, поэтическая этимология, философия языка, перформативность, авангард

Для цитирования: Марков А.В. Мена имен: Хлебников, Асеев и Библер // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. Ч. 3. С. 377–385. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-377-385

Change of names. Khlebnikov, Aseev, and Bibler

Aleksandr V. Markov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
markovius@gmail.com*

Abstract. The philosopher V.S. Bibler, relying on Khlebnikov, elaborated on the duality of verbal semantics: indication of formal action and performative production of action. The poetic etymology helped to distinguish the unchanging

core of the indication of the properties of the thing and the changeable elements of performativity. But such a specific understanding of the social performativity of the verb was developed not so much by Khlebnikov as by Nikolai Aseev in his doctrine of the change of names, which gives examples that coincide with those of Bibler. Bibler places Aseev and other futurists in the shadow of Pasternak because of the extension of the doctrine of double action to the history of thought, making a number of hypotheses about the specifics of the development of twentieth-century Russian thought. We may speak of the poetic history of thought as an invention of Bibler. Bibler's idea is prolific for philological analysis because it permits us, along with the syntagmaticity of the utterance, to single out the paradigmaticity of performative techniques, which facilitates a consistent analysis of both the Russian avant-garde poetry and the later poetry.

Keywords: Bibler, Aseev, Khlebnikov, poetic etymology, philosophy of language, performativity, avant-garde

For citation: Markov, A.V. (2023), "Change of names. Khlebnikov, Aseev, and Bibler", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, part 3, pp. 377–385, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-377-385

В.С. Библиер в своих фундаментальных работах [Библиер 1975; Библиер 1991] часто цитирует поэтов, прежде всего Хлебникова и Пастернака, но по-разному. Пастернак для него совпадает с самой жизнью: спонтанность, избыточность, смешение чувств и слов – все это есть в природе и тем более должно быть продолжено в обществе. Если верить Библиеру, неокантианское и бахтинское различие *данности* и *заданности* у Пастернака доведено до предела именно потому, что всякое должное возникает там, где сущее, – но сразу проецируется в мир людей, исчезает в своей прежней самоидентификации в лакунах внутренней речи и возрождается для того, чтобы определить истинные события человеческого диалога. Так сходятся реальность в ее «смутной естественности» и речь в ее честной социальной прямоте [Библиер 1991, с. 50]. Тогда как Хлебников, напротив, всякий раз расходится с жизнью, создавая «очень глубокие образы речи-мышления» [Библиер 1975, с. 373], он конструктивист и утопист, который не создает никакой заданности, но смотрит в каждом своем высказывании, как данность работает, как она догоняет себя или оказывается чем-то большим, чем она сама. Именно такое медленное, мучительное, трудовое растоществление данности и оказывается для Библиера началом анализа природы диалога. Библиер и создает вокруг Хлебникова ту систему интерпретаций, которая сопоставима, например, с интерпретациями Целана во французской теории. При этом, если сюжет

французских интерпретаций ясен, то сюжет Библера требует реконструкции.

В книге о Бахтине [Библер 1991] Библер выстраивает удивительные генеалогии всякий раз, когда говорит о переходе от теории в широком смысле к практике в столь же широком смысле. Так, он говорит, что Невельский круг Бахтина мог через Вагинова повлиять на обэриутов и их жизнетворческие стратегии. «Но к этому времени мысль и стиль (исчезнувшего) семинара уже впитались в плоть и кровь нашей культуры, – в неузнаваемом виде, в преобразенной форме» [Библер 1991, с. 34]. Просто то, что было в этом кругу театром интеллектуальной жизни, некоторым ренессансным диалогом, культ которого, с опорой на Баткина, создавал Библер, в кругах обэриутов становится способом определить себя, вписать свою личность в этот диалог. Также Библер предполагает в этой же книге влияние Бахтина на Выготского [Библер 1991, с. 102], с оговоркой, что «это уже иной вопрос, которого мы сейчас не касаемся», – несмотря на то, что повлиять мог разве что Выготский на Бахтина, и то лишь на одну идею изменчивости внутренней речи, а не только внешней. Но для Библера существенно, что Бахтин создает определенный способ кружковой работы, запускающий производство идей и позволяющей уже в самой жизни отличать более напряженный созидательный проект от менее напряженного. В таком случае и психология искусства, и психология возраста Выготского оказывается только моментом диалогизма Бахтина.

Эти примеры говорят о том, что Библер различает два действия, собственно доступное нам действие, устраиваемое нами и имеющее свое именное обозначение, в том числе и место в классификаторе историко-философских или интеллектуальных свершений – и другое, свободное действие, которое уже сама жизнь, которое может обернуться и именем, и глаголом, и ростом, и особым пастернаковским переживанием жизни. Очевидно, что за такой необычной, без ссылок, историей философии стоит некоторая интеллектуальная модель, которая и служит предметом реконструкции нашей статьи. Но прежде чем мы найдем эту модель, нужно сказать, что собственно сделало Бахтина ключевым для Библера мыслителем, помимо универсализации идеи диалога как начала любого культурного действия. Иначе говоря, мы предлагаем отнести к бахтинизму Библера не синтетически, а аналитически, в том числе имея в виду его философию языка, часто имплицитную. Вообще, Библер очень хорошо знал философию языка, в частности, работы Витгенштейна, но это тема большого исследования, тогда как мы просто показываем, что аналитический подход к наследию Библера возможен.

В полемике со Шкловским, который, по мнению Библера, не может до конца освободиться от отнесения Бахтина к готовым категориям «писателя», «филолога» и т. д., философ говорит, что мир Бахтина устроен как утопическая архитектура Хлебникова, в которой дом представляет собой каркасную конструкцию, и любая квартира может при этом менять свою клетку, перемещаться перемещаться «в пустую ячейку других, таких же полуопустошенных, полузаполненных зданий, в других городах и странах» [Библер 1991, с. 93]. Иначе говоря, в этой архитектурной утопии нет мест, *топосов*, есть только функция, но она полностью зависит от задания, которое осознано как внутренняя совесть не то квартиры, не то владельца квартиры. Так и у Бахтина в изложении Библера любой фрагмент может перемещаться в любой другой порядок анализа, любой другой речевой жанр. Это как раз *становление*, но не только терминов, но и самих условий становления термином, что делает каждое чтение Бахтина новым – потому что тот же «речевой жанр» еще раз переопределяется в новом контексте. По сути, Библер в своей книге изобретает режим перечитывания Бахтина по образцу перечитывания поэзии, когда каждое новое чтение открывает какие-то стороны чтения предмета.

Но как раз метафора здания оказывается сложной: если в утопиях Хлебникова просто преодолевается пространство и время (заметим, что этот трактат «Мы и дома», который подразумевает Библер, хотя не называет по имени, Хлебников писал в 1914–1915 гг., в эпоху Первой мировой войны), то в изложении Библера само перемещение квартиры есть собственная авторская воля жителя, творческое решение, тогда как дальнейшее существование этой квартиры в качестве предмета, узла, источника действия, источника эмоций и т. д. оказывается парадигматическим, оказывается той самой жизнью с ее многообразием жизненных форм и грамматических форм (существительное, глагол, местоимение и т. д.), в которую и опрокидывает нас настоящая поэзия. Тем самым, Хлебников помогает сформулировать модель, в которой наравне с первичным действием, просто квалифицируемым, относимым к какой-то ячейке, именуемым, есть и второе, продолжающееся действие, уже свободное во всей шири жизненного мира.

Согласно Библеру, Хлебников в своих поэтических этимологиях изобрел именно такой механизм двойного действия. Для Библера звук работает не как ассоциация, а как сознание в том смысле, как его и могли понимать тогда в СССР 1975 г. – как сингулярное столкновение с сопротивлением материала, благодаря которому возможна работа мысли, в конце концов улучшающая работу труда, снабжающая горячей совестью сам труд. Но это понимание

сознания, каноническое для марксизма-ленинизма («пролетарское сознание»), оказывается частью новой феноменологии творчества:

Представим, что звуки человеческой речи (именно как моменты единой речи) – это интериоризированные (точнее, еще не обнаруженные) действия по отношению к предметам внешнего мира (вращения – ввв! удара – ддррр! кошения – «коси, коса, пока роса...»). В звучание входит и сопротивление материала – дерева, земли, камня; движения сразу меняются, становятся более напряженными, тугими, более мягкими, погружающимися, пластичными, преобразуются и звуковое – внутреннее – наполнение этих движений: р-ыть, л-ить, п-ить (погружать в себя), б-ить (быть – от себя), быть (в себе). Одно движение переходит в другое, одно противодействие сменяется иным, звучания соединяются, сливаются, разделяются... Уже не уловить их изначальное происхождение. У Хлебникова этот образ предельно поэтичен (какой кошмар, если принять его чересчур всерьез!), он разветвляется и углубляется, он становится поэмой внутренней речи, может быть, одной из лучших поэм на русском языке [Библер 1975, с. 373–374].

Из этой большой цитаты мы видим, что звуки сначала номинируют действия, становятся их именами, подробными характеристиками, но потом напряженность, мягкость и другие свойства действия разыгрываются перформативно благодаря завершенности глагола, который уже далек от начального происхождения – как ячейка в новом доме далека от начального происхождения, но при этом работает в живом жизненном мире. Как жизнь разветвляется и углубляется, так и внутренняя речь, понимание того, что именно произошло, то есть сознание, творчески соединяющее различные вещи, ветвится и углубляется, создавая настоящую поэму внутренней жизни. Так Библер, чтобы создать более свободную модель сознания, соединяет свою интерпретацию архитектурной утопии Хлебникова со своей интерпретацией его этимологизирования.

Этот ряд «бить, лить, рыть, пить, вить» был усвоен последователями Библиера, например:

Вот послушайте: слова **бить**, **лить**, **рыть**, **пить**, **вить** – они отличаются только первым звуком. И кажется, что этот первый звук у них *правильный*, что он *подходит* к тому, что значит каждое слово. *Лить*, действительно, звучит более *льюще*, чем *рыть* [Берлянд 2016, с. 52].

Заметим, что здесь эта двухчастная схема сохраняется; только в рамках диалога и всё же отказа от хлебниковских произвольных

этимологий, его «внутреннего склонения», номинация названа кажущимся правильным, а затем идет перебор *жизненного мира* разных форм: лить, льюще и т. д.

Сам Библиер называет эту перформативность *сказанностью*, имея в виду тождество внутренней речи и возможных действий внутри жизненного мира, что, конечно, напоминает уже «просвет» Хайдеггера и подобные гипотезы континентальной философии, на которые Библиер не ссылается. Приведем опять же большую цитату:

Каждое человеческое действие всегда адресовано, каждый предмет труда кому-то «сказан»; загонщику дичи «сказаны» стрелы сидящих в засаде; станок на заводе «сказан» рабочему за другим станком; колонна Парфенона «сказана» жителю Афин. И если непосредственные трудовые действия в их направленности на предмет воплощены в камне, металле, злаках, то «сказание», «сага» этих действий только подразумевается, эти действия существуют в живом процессе общения, они молчат о своем «сказании», их «сказание», их речь мыслится (и мыслится именно как форма общения, как «два пишем, пять в уме») как нечто радикально неинформационное [Библиер 1975, с. 374].

Это позволяет отказаться от ложных этимологий: раз сказанное молчит о своем сказании, то мы можем не заниматься семантикой «б» в «быть», но только утверждать, что это была информационная единица, тогда как реальная хлебниковско-бахтинская поэма-сказание, внутренняя речь в широком смысле, радикально неинформационна, она не информирует, она проживается в диалоге.

Заметим также, что если каждый предмет труда кому-то «сказан», это не адресация в бытовом смысле, но в философском – отделения жизненного мира высказывания от готовых употреблений. Поэтому далее как раз Библиер подробно рассуждает, что архитектор прежде всего конструирует пустоту, то есть пространства, где употребления оказываются не так важны, в сравнении с жизненным миром. «Мысль и есть именно “эллипсис”, пустота, пропуск (пропуск в чем-то, пропуск куда-то), она всегда подразумевание» [Библиер 1975, с. 375]. Так Библиер создает многозначность пропуска, как возможности, а не только отсутствия, что напоминает сразу множество теорий континентальной философии, от поэтико-философских этимологий Хайдеггера до «негативной диалектики» Адорно.

Но замечательно, что этот ряд, который приводит Берлянд, только с «жить» вместо «вить», появляется как тема рассуждения о множественности частей речи и жизненности переживаний от каждой части речи, в статье Асеева 1951 г., где поэт требует «про-

следить, какие похожие слова образуются от них и какие приставки управляют этими глаголами, изменяя их значения» [Капинос, Лощилов 2020, с. 298]. Опираясь на ресурсы русского и славянских языков, Асеев говорит, сколь разные части речи можно произвести от этих неопределенных форм глагола, требуя «продуктивно прислушиваться к звучанию слов, к их взаимному родству, находить их родовые гнезда» [Капинос, Лощилов, с. 299]. Хотя Асеев и сводит в конце концов вопрос просто к изучению богатств русской речи, не имея возможности развернуть авангардный перформанс, современная интерпретация [Капинос, Лощилов 2020, с. 310] показывает глубокую связь «мены имен» по Асееву с его работами времен расцвета футуризма, когда он видел и в словотворчестве футуристов, и в официальных аббревиатурах, и во влиянии диалектов новые возможности для социального действия. Библеру явно не были известны ранние работы Асеева, такие как «Мена имен», но статья 1951 г., напечатанная в «Новом мире»¹, никак не могла пройти мимо него.

Таким образом, Библер опирается не столько на Хлебникова с его конструктивизмом, в котором сама природа вещей должна была измениться, сколько на Асеева, друга Пастернака. Дело в том, что Библиера мало занимает онтология, для диалогиста сущность вещей не важна, и тем более утопия съедобной земли или какая-либо еще утопия Хлебникова. Из всего наследия Хлебникова он выбирает то перформативное учение, которое, конечно, содержится во «внутреннем склонении» Хлебникова, но которое у Асеева приобретает смысл футуристической *парадигматической*, а не *синтагматической* актуализации реальности благодаря множественности частей речи, а значит, и множественности режимов перформативного нахождения в мире. Библер хорошо знал Асеева и даже цитировал его стихи на своих лекциях. Но при этом он единственным поэтом конструирования истины считает Хлебникова, а единственным поэтом конструирования жизни – Пастернака. В конце концов, Библер заканчивает изложение как будто Хлебникова, а на самом деле Асеева, так:

Действие (предмета или на предмет), превращенное в речь, во внутреннее звучание, оказывается деятельностью, замкнутой на меня. Что же внутри меня является тем камнем, землей, деревом, которые подвергаются «обработке»? Только я сам. Больше никто. Но кто такой – «я сам»? «Я» – все более обогащенный теми «эллипсисами» культурных смыслов, которые развиты во мне вместе с внешней речью

¹ Асеев Н.Н. Жизнь слова // Новый мир. 1951. № 4. С. 176–192.

и которые все более свободны от исходных звуков-действий, от моей природной наполненности [Библер 1975, с. 376].

Диалогизм Библиера переворачивает стандартную гносеологию диамата, познание трудовых практик, делая это познание не целью наших усилий, а предпосылкой для более свободного отношения к себе и факту своего бытия, а об онтологии просто призывает не заботиться, а отпустить ее на волю культурных смыслов.

Библер указывает здесь же на загадочные картинки, вроде «найди мальчика», как на модель культуры, когда из пустот складывается фигура, но эта фигура означает просто отсутствие, просто тот самый простор. Точно так же мысль состоит из некоторых данных, но данных в ней нет, есть только возможность представить самого себя этим данным. Не рассуждая специально о философской программе Библиера, мы можем сказать, что здесь заключена и филологическая программа анализа поэзии. Анализируя поэзию авангарда, вполне можно различать номинацию как определенный способ запомнить что-то из реальности или мыслей о ней, и перформативность как возможность увидеть как раз отсутствие прежней мысли, прежней опоры для номинации. Не так существенно, что этот образ держится на звучании «б», а другой – на звучании «л», существенно только то, что эти образы оказались только поводом для перемещения жилой ячейки туда, где она может «обрабатывать» меня как хозяина ячейки благодаря вовлечению во всё большую перформативность бытия, благодаря ответственному диалогу. Асеев оказывается в тени Пастернака, как просто специалист по языку – в тени специалиста по жизни, который и отпустил онтологию, вместе с языком и специалистами по нему, на волю. В таком случае, действительно, Хлебников оказывается изобретателем этой новой многоплановой перформативности, а Пастернак – тем, кто показал, как она работает.

Литература

- Берлянд 2016 – *Берлянд И.Е.* Загадки слова. М.: Рипол-Классик, 2016. 438 с.
 Библер 1975 – *Библер В.С.* Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975. 400 с.
 Библер 1991 – *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс: Гнозис, 1991. 176 с.
 Капинос, Лоцилов 2020 – *Капинос Е.В., Лоцилов И.Е.* Николай Асеев: из публикаций в печати Дальнего Востока (1918–1920) // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 292–322.

References

- Berlyand, I.E. (2016), *Zagadki slova* [Riddles of the word], Ripol-Klassik, Moscow, Russia.
- Bibler, V.S. (1975), *Myshleniye kak tvorchestvo. (Vvedenie v logiku myslennogo dialoga)* [Thinking as creative work. (Introduction to the logic of mental dialogue)], Politizdat Moscow, Russia.
- Bibler, V.S. (1991), *Mikhail Mikhaylovich Bakhtin, ili Poetika ku'tury* [Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or Poetics of Culture], Progress, Gnozis, Moscow, Russia.
- Karinos E.V. and Loshchilov, I.E. (2020), "Nikolai Aseev. Publications in the press of the Russian Far East (1918–1920)", *Kritika i semiotika*, no. 1, pp. 292–322.

Информация об авторе

Александр В. Марков, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; markovius@gmail.com

Information about the author

Aleksandr V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; markovius@gmail.com